

Е.А. Ростовцев

**Н.И. КАРЕЕВ И А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ:
ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СРЕДЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ УЧЕНЫХ НА РУ-
БЕЖЕ XIX–XX вв.**

Н.И. Кареев (1850–1931) и А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) – видные представители российской исторической науки рубежа XIX–XX вв. Как известно, конкретно-исторические интересы ученых лежали в разных сферах, однако, несомненно, их сближала увлеченность проблемами теории и философии истории. Важно и то, что их объединяли и хорошие личные отношения, совместная работа в ряде научных учреждений. Теоретическим взглядам и научной деятельности как Н.И. Кареева [1, с. 139–143], так и А.С. Лаппо-Данилевского [2, с. 171–248] посвящена обширная литература, в то же время отношения между учеными пока не стали предметом исследования.

Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский познакомились, по-видимому, в 1885 г. вскоре после начала преподавания Н.И. Кареева на историко-филологическом факультете Петербургского университета, где в то время заканчивал курс А.С. Лаппо-Данилевский. Молодого преподавателя и студента сблизил интерес к теоретическим проблемам исторического знания. В 1919 г. Н.И. Кареев так вспоминал начало своего общения с А.С. Лаппо-Данилевским: «Я познакомился с А.С. Лаппо-Данилевским ...когда он был еще студентом...; уже тогда его интересовали эти вопросы [теории истории. – Е.Р.] он о них думал и имел относительно их определенные мнения. К сожалению, я не помню содержания одного из первых наших разговоров, но в моей памяти сохранилось, что тема была историко-философская, что мой молодой собеседник сам начал этот разговор, развивал в нем какую-то общую мысль, какую излагал так сказать в алгебраических выражениях» [3, с. 112]. Впрочем, эти разговоры не вели к сближению позиций собеседников. Как замечал Н.И. Кареев, «так как мы оба были не охотниками до прений, а по многим пунктам наши взгляды не совпадали, то с течением времени и наши беседы становились все более и более редкими» [3, с. 112]. Тем не менее, Н.И. Кареев являлся автором двух работ, в которых специально рассматривались труды А.С. Лаппо-Данилевского, – рецензии [4] на его «Методологию истории» [5; 6] и статьи о теоретических взглядах А.С. Лаппо-Данилевского [3], посвященной его памяти. Что касается А.С. Лаппо-Данилевского, то у него не было работ, посвященных творчеству Н.И. Кареева. В общетеоретических трудах как А.С. Лаппо-Данилевского, так и Н.И. Кареева хотя и присутствуют ссылки на работы друг друга, но они носят лишь библиографический, справочный харак-

Ростовцев Евгений Анатольевич (р. 1974) – доцент кафедры истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного технического университета.

Адрес: 195251, СПб., ул. Политехническая, 29.

Тел.: (812) 552-96-91.

E-mail: eugin@eu.spb.ru

тер [7, с. 447; 8, с. 25, 197, 214, 249 и др.]. Правомерно предположить, что взгляды А.С. Лаппо-Данилевского и Н.И. Кареева развивались параллельно, не воздействуя непосредственно друг на друга. Следует учитывать и то обстоятельство, что Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский принадлежали к разным научным школам. Н.И. Кареев был учеником В.И. Герье (1837–1919) и прошел школу Московского университета, а А.С. Лаппо-Данилевский был учеником Е.Е. Замысловского (1841–1896) и принадлежал к петербургской исторической школе. Возможно, это предопределило и различие их подходов к вопросам теории истории. Как известно, московская школа была по своему характеру более социологической, более подверженной влиянию философско-исторических концепций. Петербургская же школа характеризовалась, по образному определению А.Е. Преснякова, «научным реализмом, сказывавшимся в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции» [9, с. 7]. Если для Н.И. Кареева теория истории – это, прежде всего, занятие философией историей и теорией исторического процесса (историологией), то для А.С. Лаппо-Данилевского – это занятие ее методологией и методикой. Во многом именно поэтому само отношение ученых к теории исторического знания было различным. Если в системе А.С. Лаппо-Данилевского теория истории как бы «обслуживает» решение задач исторического построения и источниковедения [10, с. 413–416], то у Н.И. Кареева – она вырабатывает основные задачи исторической науки и предлагает их решение [11, с. 309–316]. Несомненно различия и в философских воззрениях ученых: если взгляды Н.И. Кареева восходили к позитивизму, то А.С. Лаппо-Данилевский был близок к неокантианству [12]. Однако несмотря на видимую отдаленность в своих теоретических воззрениях, оба историка все-таки принадлежали к малочисленной в то время группе теоретиков исторического знания в России, и особенно заметно в этом отношении они выделялись из среды ученых Петербургского университета.

Начало научного сотрудничества Н.И. Кареева и А.С. Лаппо-Данилевского следует отнести ко времени организации Исторического общества при Петербургском университете. История его создания отчасти уже получила освещение в литературе [13; 14; 15, с. 43–44; 1, с. 180–182; 16, с. 132–136]. В марте 1889 г. с идеей организации общества выступила группа столичных историков. В их числе были В.Г. Васильевский, А.Н. Веселовский, Е.Е. Замысловский, Н.И. Кареев, В.И. Ламанский, И.П. Минаев, С.Ф. Платонов, Ф.Ф. Соколов, Г.В. Форстен и Е.Ф. Шмурло. К ноябрю 1889 г. к ним присоединилось еще 19 человек, в том числе А.С. Лаппо-Данилевский и группа членов-учредителей Общества, таким образом, увеличилась до 29 человек [17, с. 188].

Основным автором устава Общества [18, с. 12–16] был Н.И. Кареев, однако к его составлению были причастны и деятели известного Кружка русских историков во главе с С.Ф. Платоновым [19, с. 253]. Согласно уставу, цели Общества сводились к трем пунктам: исследование всех областей русской и всеобщей истории, разработка вопросов теории истории, разработка вопросов преподавания истории. Особо следует отметить, что устав предусматривал со-

здание прочной административной основы новой организации – избранный Комитет должен был приобрести почти неограниченные права внутри Общества [18, § 17, с. 14]. В частности, формирование Комитета должно было осуществляться фактически за счет кооптации заранее определенных членов; Комитет получал право давать предварительные заключения по поводу программ будущих сообщений, т.е., по существу, определять темы для выступлений. В его компетенцию входило и принятие других решений: предварительное рассмотрение всех предложений, исходящих от членов Общества, контроль приема в него новых членов, заведование доходами и публикацией трудов Общества. Поэтому первые заседания, на которых должен был формироваться Комитет, предрешали многое в формулировании основных направлений и определении характера деятельности Общества.

Формальное учреждение Общества состоялось 26 ноября 1889 г. С самого начала формирование Комитета общества носило драматический характер. В.Г. Васильевский, будучи признанным лидером корпорации историков Петербургского университета и фигурой, объединявшей представителей как всеобщей, так и русской истории, оказался единственным реальным конкурентом на выборах председателя Общества его основному организатору Н.И. Карееву. С.Ф. Платонов и другие члены Кружка русских историков выдвинули кандидатуру В.Г. Васильевского и большинством голосов выбрали его на пост председателя. Тогда же был избран и первый Комитет в составе С.А. Бершадского, В.Г. Васильевского, В.Г. Дружинина, Н.И. Кареева, С.Ф. Платонова, Г.В. Форстена и Е.Ф. Шмурло [17, с. 16]. Возмущенный Н.И. Кареев покинул заседание, не дожидаясь его завершения. По предложению И.М. Гревса была выражена «благодарность Н.И. Карееву, по инициативе которого возникло Общество и который наиболее хлопотал о его устройстве» [20, с. 17], однако конфликт этим не был исчерпан. Роль С.Ф. Платонова в этой ситуации выглядела двусмысленно в глазах не только И.М. Гревса, но и А.С. Лаппо-Данилевского. В начале декабря он написал П.Н. Милюкову: «Председателем (чуть ли не по науськиванию почтеннейшего Платонова и К^о) избран Васильевский» [14, с. 33], несмотря на то, что «устроил общество» Кареев [1, с. 181]. О дальнейшем развитии конфликта свидетельствует протокол второго (экстренного) общего собрания членов-учредителей [21, с. 18–19], состоявшегося 6 декабря 1889 г. В.Г. Васильевский заявил, «что в виду встретившихся в Комитете затруднений при распределении обязанностей между его членами, он слагает с себя возложенное звание» [21, с. 18]. Вслед за председателем в отставку подал весь Комитет. После проведения повторных выборов (В.Г. Васильевский был избран без баллотировки) Комитет был избран почти в прежнем составе (только вместо В.Г. Дружинина был избран Н.А. Меншуткин), затем В.Г. Васильевский и С.Ф. Платонов отказались от звания членов Комитета. Вместо них были избраны В.Г. Дружинин и А.С. Лаппо-Данилевский. Н.И. Кареев же получил председательское место; товарищем председателя был избран историк государственного права С.А. Бершадский. А.С. Лаппо-Данилевский занял один из ключевых постов секретаря Общества. На третьем заседании (26 декабря 1889 г.) новый председатель выступил с программной речью [22, с. 5–11]. В ней проявились отголоски научных противоречий, которые обнаружили в период первых организа-

ционных заседаний Общества. Н.И. Кареев признал, что значительная часть избранных членов Общества, помимо членов-учредителей, «была приглашена им» и что они в большой степени сочувствовали одной «частной цели», а именно «идее о разработке теоретических вопросов исторической науки, так как мне, по роду моих занятий, эта разработка была бы наиболее желательна; кроме того, многие лица с особым сочувствием отнеслись к обсуждению в наших собраниях вопросов, имеющих соприкосновение с преподаванием истории в учебных заведениях» [22, с. 5]. Н.И. Кареев также остановился на «словах сомнения и недоверия», которые он слышал «от некоторых лиц, присутствующих на сегодняшнем заседании»: «По поводу разработки теоретических вопросов исторической науки как одной из задач Общества говорилось, что едва ли она пойдет успешно и что потому едва ли следовало включать ее в устав как самостоятельную задачу Общества: указывалось именно на то, что серьезно и ex professo теоретическими вопросами истории почти никто не занимается, что занятие ими придется, пожалуй, создавать искусственно, что в результате может от этого получиться только одна потеря времени без всякой пользы для науки» [22, с. 5–6, 8].

Можно предположить, что в этих словах отразились научно-мировоззренческие позиции участников, которые в негативном плане могут быть представлены как эмпирическая направленность научных занятий представителей петербургской школы (В.Г. Васильевский, С.Ф. Платонов и его кружок) и социологическая заданность теоретических построений Н.И. Кареева. В этом смысле кандидатура А.С. Лаппо-Данилевского, выдвинутого на один из руководящих постов в обществе, была компромиссной в двух отношениях: А.С. Лаппо-Данилевский, с одной стороны, специально занимался вопросами теории исторического знания, но даже будучи студентом обращался по этим проблемам к Н.И. Карееву; с другой стороны, в то время он еще посещал «платоновский» Кружок русских историков и сохранял научную близость с В.Г. Васильевским до конца его жизни. Свои источниковедческие исследования, связанные с подготовкой магистерской диссертации «Организация прямого обложения в Московском государстве...» [23], он сочетал с разработкой теории и методологии истории.

Занятия теорией истории в 1880–1890-х годах имели и некое политическое звучание, поскольку были напрямую связаны с западной теоретико-исторической мыслью. Поэтому обоснованными являются предположения о том, что эмпирические («источниковедческие») традиции петербургской школы отчасти были связаны с некоторой «аполитичностью», вызванной положением столичного университета [ср.: 24, с.10–13; 25, с. 21–22]. Начиная с 90-х годов эта традиция стала преодолеваться: соответственно политическим предпочтениям новое поколение петербургских историков разделяется на консервативный и либеральный политические лагеря, хотя отчетливой границы между этими лагерями и не было. Характерно, что в первом доминировали «эмпирики», во втором преобладали «строители систем». С.Ф. Платонов и его окружение относились к первому лагерю, А.С. Лаппо-Данилевский и Н.И. Кареев – ко второму.

9 мая 1890 г. состоялся магистерский диспут А.С. Лаппо-Данилевского. Его

оппонентами стали главные действующие лица недавнего конфликта в Историческом обществе — Н.И. Кареев и С.Ф. Платонов. Н.И. Кареев по существу ограничился похвалой, а его возражения носили формальный характер. С.Ф. Платонов же, в целом дав положительную оценку труду А.С. Лаппо-Данилевского, выразил и свое несогласие с теоретизированностью его подхода к историческому знанию [26, с. 293; 27, л. 11]. По всей видимости, именно в это время, в начале 1890-х годов, А.С. Лаппо-Данилевский постепенно стал отдаляться от Кружка русских историков. А.Е. Пресняков замечал, что А.С. Лаппо-Данилевский отошел от участия в Кружке русских историков, многозначительно добавляя, что главным лицом в кружке был С.Ф. Платонов [28, с. 22].

Не случайно, в это время А.С. Лаппо-Данилевский, начавший в 1890 г. преподавание в университете, признавался, что испытывает недостаток в общении с коллегами. «К университетскому миру я мало имею отношения в самом университете, да и вне его. Удивительная разобщенность замечается не только между старыми и молодыми, но и между последними» [29, л. 22–22 об.], — писал А.С. Лаппо-Данилевский. Примечательно замечание, сделанное А.С. Лаппо-Данилевским в начале 1891 г.: «В нашем официальном ученом мире об идеалах и философии почти не с кем говорить. К[ареев], хотя и занимается теоретическими вопросами, но у него голова не философская. С Вестужевым (К.Н. Вестужев-Рюмин. — *Е.Р.*) я иногда говорю, но мы ведь разных поколений, значит во многом разных мировоззрений. О некоторых других и говорить нечего. Очень иногда чувствуется недостаток в человеке, с которым можно было бы поговорить о некоторых специальных вопросах по теории обществоведения» [30, л. 32 об. — 33].

Не менее обособленно ощущал себя на факультете и Н.И. Кареев. У него не ладилась отношения не только с преподавателями факультета, но зачастую и с амбициозной факультетской молодежью. Об этих «амбициях» и вообще об «отношениях» на историко-филологическом факультете в 1890-е годы сохранились заметки в письмах А.Е. Преснякова, в то время студента, а впоследствии крупнейшего историка русского средневековья. А.Е. Пресняков являлся учеником С.Ф. Платонова, и, возможно, этим отчасти был обусловлен критический характер его высказываний в адрес Н.И. Кареева. Вот что замечал А.Е. Пресняков в письме к матери в ноябре 1892 г: «... не хорошо то, что мы с Кареевым поссорились. Назначили лекции Форстена в тот же час, что и его — он обиделся и, кажется, сказал что-то резкое Форстену. А этот в чем виноват? Совестно перед ним, что подвели его, а Кареев — чванное животное. Не припомнил бы он нам это на экзамене!» [31, л. 125–125 об.]. Впрочем, вскоре А.Е. Пресняков несколько смягчил тон своих оценок. В своем следующем письме к матери он рассказал о дальнейшем развитии событий: «Форстен прекратил свой курс после инцидента с Кареевым. Относится он к этому с редким равнодушием, хотя конечно насмеяется над Кареевым. Я прочел первый том Кареевского курса и остался им доволен. Группировка иногда неудачная, приходится из разных мест выбирать данные об одном и том же — но, в общем, читается легко и с интересом. Второй том — по признанию Форстена — много лучше. Слава Богу!» [32, л. 134–134 об.]. Эта двойственность в

отношении к Н.И. Карееву у А.Е. Преснякова сохранялась и в дальнейшем. Продолжая готовиться к экзаменам, в декабре он вновь возвращается к курсу Н.И. Кареева: «Надо классиков пошевелить, со славянами разделиться, Кареева придушить». И дальше язвительно замечает: «<...> А Кареев раньше времени курс прикончил, довольно мало народу ходило!» [33, л. 159 об.]. А через две страницы высказывается о том же предмете уже совсем иначе: «Кареева вышел 2-й том — я пока не читал его, но очень аппетитный. Только ведь к экзамену — 3 тома: один 550, а два по 600 стр. довольно большого формата. Это один Кареев! Ой, много! и как это все в голове уляжется! Хорошо еще, что не скучно» [33, л. 158 об.-159]. В марте следующего 1893 г. А.Е. Пресняков опять восклицает: «Только что вышел третий том Кареева — новый материал для зубрения. Иногда хочется спросить: и куда это все поместится» [34, л. 236]. После окончания курса в 1893 г. А.Е. Пресняков был «оставлен при университете». Теперь предстояло совместно с профессором подготовить магистерскую программу по новой истории. В сентябре 1893 г. делится с матерью своими планами: «У Кареева еще не был, а попрошу: 1. Возрождение и гуманизм. 2. Образование французской абсолютной монархии (век Ришелье). 3. Историю английской конституции» [35, л. 293 об.].

К середине 90-х годов, когда влияние старого поколения (В.Г. Васильевский, К.Н. Бестужев-Рюмин, Е.Е. Замысловский) на факультете уменьшилось, его разделение на «партии» становилось все более жестким. Обозначились две основные противостоящие группы: С.Ф. Платонов (ставший в 1890 г. заведующим кафедрой русской истории) и его кружок, с другой стороны — А.С. Лаппо-Данилевский, И.М. Гревс, Н.И. Кареев, независимое положение по отношению к обоим «партиям» занимал Г.В. Форстен и его кружок («форстенята»). Вот что заметил А.Е. Пресняков в письме к матери 27 февраля 1894 г.: «В среду [у С.Ф. Платонова] мы много толковали об университетских отношениях. А отношения эти обострились. В январе, на одном здесь заседании Историч. [еского] общества (Кареевского) вышло столкновение у Чечулина с Василием Семеновским, который был очень неприличен. В результате получился полный разрыв русских историков с Кареевым и его обществом. Дела общества ведутся неосновательно; “комитет” составляется тенденциозно; из своих; баллотировки почти подтасовываются. Кое-кого уговорили баллотироваться и провалили. Заседания принимают характер не ученых, а публичных лекций для присутствующей публики. Эти обвинения так и сыпятся, а основания для них есть. Теперь на заседаниях сидят председатель, секретарь, казначей, 2–3 члена и много посторонних — студентов и курсисток. Плохи дела. Прежде был худой мир, а теперь прямая ссора» [36, л. 14 об.-15]. А.Е. Преснякова, как нового, молодого и активного ученого в исследовательской среде Петербургского университета раздражало деление на «партии». В другом письме (17 марта 1894 г.) А.Е. Пресняков отмечает: «Толковали мы (с С.Ф. Платоновым. — Е.Р.)» о “кружковщине”, у нас ведь все лагеря друг друга не выносящие, хотя ни в чем в сущности серьезно не противоположные. Все это мелко и нехорошо. Я говорил с задней мыслью, п. [отому] что предполагал (а после узнал достоверно), что

Платонов недоволен тем, что я бываю у Лаппо-Данилевского. Выпили мы с ним за столом за уничтожение кружковщины. Эта злосчастная кружковщина и вчера обсуждалась. Зло это неискоренимое» [37, л. 23].

Вскоре А.Е. Пресняков даже предпринял попытку «примирить» враждующие партии. Она произошла на банкете, последовавшем за докторским диспутом Г.В. Форстена в марте 1894 г. Вот как А.Е. Пресняков описывал ситуацию на этом банкете в письме к матери: «Затянулось собрание надолго. Сперва разговаривали кружками. До смешного делились на партии. В зале сидел Кареев с 2-3 неуниверситетскими, в кабинете в одном углу Платонов с кружком "русских историков", а в другом Гревс со стариками. Лаппо-Данилевский держался больше студентов. Такое деление мне надоело и с помощью Форстена мы попытались перемешать публику, но безуспешно. В 11 часов пошли закусывать, потом еще с час сидели в кабинете и тогда только пошли ужинать. И тут сели по всем правилам местничества. Стол стоял так, т.е. три стола: — с одного конца сидели кончающие студенты с А.С. Лаппо-Данилевским, потом старший — Ламанский с Васильевским, потом посторонние университету, опять студенты, затем мы, кружок Платонова, с нами Форстен, рядом с ним пустой стул, и на противоположном конце — Гревс с Кареевым. Мне это глаза кололо, и я завел с Платоновым разговор по душе, о причинах такого деления. Он был необыкновенно искренен: и вообще такой был задушевный, что совсем меня тронул. Он разъяснил мне, что кружки — его и Лаппо-Данилевского — различаются двумя признаками: те — дворяне по воспитанию, с хорошим домашним воспитанием, с обширными научными средствами, демократы по убеждению и по теории, люди с политическими стремлениями, с определенным складом политических взглядов, в которые догматически верят и потому нетерпимы к чужим мнениям; они же, т.е., Платоновцы, разночинцы, люди другого общества, другого воспитания, с меньшим запасом научных сил, очень разнородные по убеждениям, только лично дружбой, а не каким-нибудь общим *credo* связанные между собой. По характеру ума они скептики — недовольные ныне господствующими порядками, не менее тех, они не видят средств бороться и переносят их по внешности — равнодушно, делая свое учение и преподавательское дело и не пропагандируя своего недовольства, не требуя непременно согласия с собою и спокойно относясь к противоречиям и противоположным убеждениям, даже мало симпатичным. Они не сторонятся другого кружка, но тот игнорирует их; попытки сближения были и кончились обидой для них же. — ...» [38, л. 26-27 об.]. Возможно, под воздействием этого разговора С.Ф. Платонов вскоре предложил тост, который А.Е. Пресняков описывает далее в своем письме следующим образом: «Платонов... предложил чудный искренний тост, который должен будет иметь серьезные последствия — тост за выработку полной и тесной солидарности членов факультета, на которой держится та факультетская традиция, которая вырабатывает молодежь в хорошем направлении. Увы! один Лаппо-Данилевский с противоположного конца стола пришел чокнуться; конечно, молодежь и друзья Платонова с восторгом приняли тост. А Кареев, и что обидно — Гревс... ну, Бог с ними. Лишь бы Лаппо понял, что, приняв протянутую руку, он принял на себя известное обязательство. Платонов убежден, что Лаппо сделал это сознательно, а в него он и целил» [38, л. 28 об.-29].

Интересно, что следующей «мишенью» С.Ф. Платонова стал сам «виновник» торжества – Г.В. Форстен. А.Е. Пресняков так описывает этот пассаж С.Ф. Платонова: «Платонов опять стал говорить – говорить о значении Васильевского, которого мы все ученики до мозга костей, рассказал историю сближения кружка русских историков с Форстеном. Он говорил так задушевно, что, по общему признанию, Васильевскому и ему мы обязаны тем хорошим впечатлением, которое все унесли с собою. Мне стало стыдно, что я последнее время не совсем доверчиво относился к нему, считая, что он человек партии, кружка. А Кареев лишил меня возможности защищать его, что я начал было делать, думая, что не он виноват в факультетском расколе» [38, л. 29–29 об.]. Дело в том, что, по словам А.Е. Преснякова, Н.И. Кареев подвыпил и «сбежал» до тоста С.Ф. Платонова, причем после его ухода стало как-то «уютнее и теплее» [38, л. 29]. Естественно, никакого «примирения» на факультете тогда не произошло. Непосредственным поводом для нового взаимного недовольства сторон стала организация А.С. Лаппо-Данилевским студенческого научного общества.

Общество предполагалось возродить под прежним названием запрещенного в 1885 г. «Научно-литературного общества», которым в 1880-х годах руководил профессор О.Ф. Миллер [39, л. 20 об.]. Одним из основных организаторов общества (получившего название «Беседы по проблемам факультетского преподавания») из числа студентов был А.Е. Пресняков. Если С.Ф. Платонов сам устранился от участия в создании «общества А.С. Лаппо-Данилевского», то Н.И. Кареев оказался, по-видимому, невольным отстраненным. Это обстоятельство не могло не вызвать его недовольства. В сентябре 1894 г. А.Е. Пресняков замечает: «Говорят, что Кареев устраивает от себя приватные студенческие чтения. Не в подрыв ли это нам? Конечно, это было бы смешно, и ему не по плечу. Но если он обижен, я считаю нужным соблюсти вежливость и помирить его с нами. Поговорю с Лаппо и постараюсь это устроить» [40, л. 61 об.]. Неизвестно, общались ли по этому поводу Н.И. Кареев с А.С. Лаппо-Данилевским, но сам А.Е. Пресняков визит профессору нанес и заключил: «Кареев выигрывает вблизи. Он проще дома, и прямо видно, что это добродушный, упитанный, очень недалекий буржуа, которого неподходящее для него положение “ученого” делает мелочным, самолюбивым и бестактным в университетских отношениях... На наше новое общество он фыркал и, видимо, обижен, что его обошли. Но что делать, он был бы там прямо вреден своей претензией всюду играть первую роль, которая ему не по чину» [41, л. 69–69 об.].

А.Е. Пресняков подготовил доклад о книге Лакомба «L'histoire considérée comme science», который в начале намеревался прочитать в Историческом обществе при университете, но затем, по просьбе А.С. Лаппо-Данилевского, открыл его чтением работы «Бесед...» 22 ноября 1894 г. В то же самое время доклад о той же книге подготовил и Н.И. Кареев. «Кареев в среду читает доклад о моем Лакомбе, – писал А.Е. Пресняков, – пойду послушать. Верно разоидемся

* Доклад вышел в виде статьи в «Журнале Министерства народного просвещения» в январе 1895 г. [46; ср.: 47, с. 558–559].

во мнениях. Нас будут сравнивать, но Кареев хорошо сказал, что «мы друг другу не помешаем» [42, л. 88 об.]. Доклад Н.И. Кареева «русским историкам» не понравился. Как выразился А.Е. Пресняков, «он подогнул Лакомба под свои взгляды, так что и узнать бедного француза было нелегко» [43, л. 99 об.]. С.Ф. Платонов в тот же день обещал напечатать будущий реферат А.Е. Преснякова в «Журнале Министерства народного просвещения» (ЖМНП), причем «без всякого предварительного просмотра» [43, л. 99 об.-100; 44, л. 107]. А.Е. Пресняков был этим доволен, хотя и понимал, что это будет «вроде вызова Карееву и еще кое-кому» [43, л. 100; 45, л. 110-110 об.]*.

В первой половине 1890-х годов А.С. Лаппо-Данилевский постепенно отошел от чтения курсов по русской истории и историографии, где утверждаются взгляды заведующего кафедрой русской истории С.Ф. Платонова, и перешел к чтению курсов по теории исторического знания [16, с. 138-139]. Теоретические курсы А.С. Лаппо-Данилевского заняли обособленное место в системе университетского преподавания. При отсутствии на факультете других специалистов, кроме Н.И. Кареева, способных читать общетеоретические курсы, кандидатура А.С. Лаппо-Данилевского, по всей видимости, была более приемлема и для С.Ф. Платонова, поскольку с Н.И. Кареевым у него был полный «разрыв» [14, с. 34]. Возможно, сыграла свою роль и поддержка А.С. Лаппо-Данилевского К.Н. Бестужевым-Рюминым. В мае 1893 г. А.С. Лаппо-Данилевский упоминал о ней в письме жене: «Бестужев, у которого я был недавно, говорит, что мое «призвание» состоит в том, чтобы дать историкам теоретическое построение нашей науки. Никогда он не высказывался так определенно на мой счет, а это приятно» [48, л. 23 об.]. А.С. Лаппо-Данилевский, таким образом, обрел свое место на факультете и на кафедре русской истории. Однако то, что с середины 1890-х годов А.С. Лаппо-Данилевский стал читать курсы по теории и методологии истории, по-видимому, в определенной степени отдалило от него Н.И. Кареева, который мог не без оснований считать их «своими». В то же время А.С. Лаппо-Данилевский по-прежнему деятельно участвовал в возглавляемом Н.И. Кареевым Историческом обществе.

Когда к концу 1890-х годов вокруг А.С. Лаппо-Данилевского стал группироваться кружок, в той или иной степени противостоящий Кружку русских историков, А.Е. Пресняков оказался в числе его участников, и по его впечатлениям мы можем судить о деятельности и составе этого кружка. В письме к матери от 9 октября 1897 г. А.Е. Пресняков отмечал: «Из любопытных новинок моих стоит упомянуть о начавшихся собраниях у А.С. Лаппо-Данилевского. Он затеял составить небольшой кружок из историков для занятий теорией и методологией социальных наук. Участвуют И.М. Гревс, экономист А.А. Кауфман, ориенталист С.Ф. Ольденбург, И.И. Лапшин, М.А. Полиевктов, еще два-три человека. Поучительно» [49, с. 19]. Параллельно А.Е. Пресняков посещал и собрания кружка Г.В. Форстена, которые с некоторого времени перестали его удовлетворять [50, с. 87]. Интересно высказанное тогда же скептическое отношение С.Ф. Платонова как к обоим кружкам, так и к Н.И. Карееву, который в его глазах примыкал к кругу А.С. Лаппо-Данилевского и И.М. Гревса [50, с. 83], хотя, по-видимому, Н.И. Кареев и держался в стороне

от этих «кружков».

В 1899 г. Н.И. Кареев в числе других политически неблагонадежных профессоров был изгнан из университета. А.С. Лаппо-Данилевский остался на факультете, но был до глубины души возмущен происходящими событиями. В августе 1899 г. он писал жене из Киева (где участвовал в работе Археологического съезда): «У меня большое сомнение, оставаться ли в университете или выбираться из ловушки как бы нарочно устроенной не только для студентов, но и для профессоров» [51, л. 65 об.-66]. А.С. Лаппо-Данилевский продолжал активно работать в Историческом обществе, несмотря на то, что Общество оказалось в сложном положении, поскольку его председателем по-прежнему оставался опальный Н.И. Кареев [17, с. 191-192]. В определенной степени работа Общества была вызовом не только властям, но и историко-филологическому факультету, деканом которого в том же 1899 г. становится С.Ф. Платонов. Когда в 1903 г. А.С. Лаппо-Данилевский приглашает С.Ф. Платонова принять участие в организации Секции русской истории в «кареевском» обществе [52, л. 39-39 об.], декан в сердцах пишет на черновике ответа А.С. Лаппо-Данилевскому: «Нахальство или неопытность?» [53, л. 40]. Секция (при председателе А.С. Лаппо-Данилевском и секретаре А.Е. Преснякове) успешно работала на протяжении всей деятельности Общества и даже стала его наиболее часто и регулярно собираемым отделом [17, с. 206-212; 54].

Относительно независимое положение А.С. Лаппо-Данилевскому обеспечило его избрание в 1899 г. в Академию наук. В Академии А.С. Лаппо-Данилевский вел масштабную научную и организационную деятельность. Одним из ее направлений стал подбор научных сотрудников Академии. Большинство членов-корреспондентов по историко-политическому разряду, избранных во второй половине 1900-1910-х годов, были рекомендованы А.С. Лаппо-Данилевским. Среди них были Д.А. Корсаков, И.В. Лучицкий, А.А. Кизеветтер и Н.И. Кареев. Н.И. Кареев был выдвинут А.С. Лаппо-Данилевским (совместно с М.А. Дьяконовым) [55]* в члены-корреспонденты Академии в конце 1910 г. В его записке отмечены заслуги Н.И. Кареева как историка Франции и особо как автора работ по теории и философии истории и социологии.

По просьбе Н.И. Кареева А.С. Лаппо-Данилевский способствовал и публикации ряда его работ в изданиях Академии. В январе 1912 г. А.С. Лаппо-Данилевский представил для напечатания труд Н.И. Кареева «Неизданные документы по истории Парижских секций 1790-95 гг.», дав свою характеристику публикуемым источникам и указав на ценность материала для характеристики деятельности парижских секций и событий начала реакции [57, § 180, 287]. По предложению А.С. Лаппо-Данилевского этот труд был напечатан в «Записках» Историко-филологического отделения (ИФО) [58, § 91; 59]. В 1914 г. по просьбе А.С. Лаппо-Данилевского ИФО постановило печатать следующую часть материалов, подготовленных Н.И. Кареевым («Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора II года») [60]. При этом А.С. Лаппо-Данилев-

* Автором «представления» был именно А.С. Лаппо-Данилевский [56, с. 29], однако по сложившейся практике оно должно было быть подписанным не менее чем двумя действительными членами Академии, поэтому под ним стоит также подпись академика М.А. Дьяконова [55].

** Н.И. Кареев в одном из писем особо благодарил А.С. Лаппо-Данилевского за организацию публикации подготовленных им документов в академическом издании [62, л. 9 об.].

ский допустил отступление от обычного для него принципа издания — либо целиком, либо в виде регест, и не возражал против печатания части протоколов в выдержках [61, § 91]. Это было, конечно, связано с нежеланием и невозможностью для А.С. Лаппо-Данилевского каким-либо образом править представленную публикацию**.

В скором времени Н.И. Карееву представилась возможность оказать ответную услугу А.С. Лаппо-Данилевскому. Рецензия Н.И. Кареева [4, с. 64–69] стала первым откликом на знаменитый труд А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» (1910–1913) [5; 6]. Несомненно, что сам факт появления рецензии такого специалиста как Н.И. Кареев привлекал к ней дополнительный интерес. Принимая во внимание то обстоятельство, что издание было осуществлено как учебное пособие для студентов Историко-филологического факультета Петербургского университета, Н.И. Кареев отметил обременительность для учащихся этого курса. Он считал «Методологию истории» «скорее ученым трактатом, нежели курсом лекций» [4, с. 64]. Рецензенту при этом импонировало строгое отделение теории исторического знания от теории исторического процесса. Н.И. Кареев констатировал, что отправной точкой системы А.С. Лаппо-Данилевского стало «виндельбандовское различие» [4, с. 65] между номотетической и идиографической точками зрения. Наиболее подробно в рецензии рассматривался раздел, посвященный методологии источниковедения. Н.И. Кареев обратил внимание на ярко выраженный психологический подход А.С. Лаппо-Данилевского и отметил плодотворность определения им исторического источника как реального продукта человеческой психики. С похвалой отозвавшись о теории источниковедения, Н.И. Кареев констатировал, что «весь отдел об интерпретации источников разработан А.С. Лаппо-Данилевским заново» [4, с. 67]. Небольшая рецензия Н.И. Кареева носит скорее описательный, нежели аналитический характер. Он не пытался рассматривать рецензируемый труд в целом. Его оценки «Методологии истории» как «полезной», «нужной» книги не содержат каких-либо выводов о реальном научном значении труда. На наш взгляд, это было связано с тем, что рецензент не хотел вступать в серьезную полемику с автором «Методологии...», высказывая критические замечания принципиального характера.

В это время Н.И. Кареев был привлечен А.С. Лаппо-Данилевским к подготовке IV Международного конгресса историков в Санкт-Петербурге, (назначенного на 1918 г. и сорванного политическими событиями) [63; ср.: 64, с. 3–8]. Распределение обязанностей его организаторов проводилось заранее, осенью 1913 г. на созываемых А.С. Лаппо-Данилевским «частных совещаниях» петербургских историков. На первое совещание (17 ноября 1913 г.) он пригласил В.В. Бартольда, гр. А.А. Бобринского, А.А. Васильева, И.М. Гревса, Э.Д. Гримма, М.А. Дьяконова, С.А. Жебелева, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, Н.Я. Марра, П.П. Митрофанова, С.Ф. Ольденбурга, М.И. Ростовцева, Б.А. Тураева, Б.В. Фармаковского [63, л. 7]. Задачами таких совещаний были, прежде всего, выработка решений предстоящего предварительного исторического съезда, который должен был определить программу и состав органов международного конгресса [63, л. 7 об.]. На самих совещаниях был определен еще более узкий круг организаторов — А.С. Лаппо-

Данилевский, Н.И. Кареев, М.И. Ростовцев [63, л. 8]. Они подготовили для частного совещания проекты основных решений – о руководителях предварительного съезда (А.С. Лаппо-Данилевский, А.Е. Пресняков, Л.П. Карсавин), о составе Исполнительного, Финансового и Приемного комитетов, причем отдельно было оговорено, кто из присутствующих с кем вступит в «соглашение» с целью привлечения к работе конгресса; на совещании 1 декабря 1913 г., в частности, был зафиксирован отказ «профессора Платонова (сославшегося на занятость. – Е.Р.), намеченного в члены Исполнительного комитета» участвовать в нем [63, л. 14 об.; 65, л. 173–173 об.]. А.С. Лаппо-Данилевским возможно при участии Н.И. Кареева и М.И. Ростовцева, был составлен список организаций и лиц, в будущем намеченных принять для участия в организации международного конгресса [63, л. 28–29, 97–104, 110–110 об.]. В первой половине декабря 1913 г. ход будущего предварительного съезда русских историков детально прорабатывается указанной группой. Работа принесла плоды: на съезде (18–20 декабря 1913 г.), представляющем историков со всех концов страны, был избран Исполнительный комитет в составе, определенном на частных совещаниях 17 ноября и 1 декабря 1913 г. В число членов Комитета были избраны А.К. Байлов, В.В. Бартольд, Н.Н. Глубоковский, И.М. Гревс, М.А. Дьяконов, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, А.С. Лаппо-Данилевский (председатель), С.Ф. Ольденбург, А.Е. Пресняков (секретарь), С.В. Рождественский, М.И. Ростовцев [66, с. 118–127].

Другой областью совместной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского и Н.И. Кареева стала работа в Русском социологическом обществе. Инициатором создания Общества являлся М.М. Ковалевский, избранный в Академию в 1914 г. Он во многом расходился как с А.С. Лаппо-Данилевским, так и Н.И. Кареевым в своих теоретических построениях, но объединяло их увлечение социологией как научной дисциплиной. Общество организовалось уже после скоропостижной кончины М.М. Ковалевского (1915 г.) под руководством А.С. Лаппо-Данилевского, к работе которого им были привлечены кроме Н.И. Кареева целый ряд видных историков и социологов: П.А. Сорокин, П.Б. Струве, С.И. Гессен, В.В. Веселовский, Е.В. Тарле, И.В. Лучицкий, П.Н. Милюков, П.Г. Виноградов, М.А. Дьяконов [67, л. 16]. По существу, Общество являлось одной из первых попыток институционализации социологической науки в России.

В 1915 г. праздновался 25-летний юбилей педагогической деятельности А.С. Лаппо-Данилевского. В «Историческом обозрении», редактируемом Н.И. Кареевым, появилась обширная статья Н.Д. Кондратьева, посвященная этому событию [68, с. 105–124]. Отдельный том «Исторического обозрения» был отведен сборнику статей в честь А.С. Лаппо-Данилевского [69]. Сам Н.И. Кареев обратился к юбиляру с поздравительным письмом, в котором отметил основные вехи их сотрудничества и взаимодействия в науке: работа в Историческом обществе при университете, магистерский диспут А.С. Лаппо-Данилевского, издание Н.И. Кареевым документов «парижских секций», со-

* См. об этом проекте подробнее статью В.Д. Есакова [70, с. 1129–1139].

вместная работа в комитете по подготовке международного исторического съезда [70, л. 9 об.].

Н.И. Кареев участвовал и в последнем большом академическом проекте, которым руководил А.С. Лаппо-Данилевский. По поручению Общего собрания Академии А.С. Лаппо-Данилевский с начала 1917 г. возглавлял комиссию по изданию серии сборников «Русская наука»*. Для А.С. Лаппо-Данилевского это издание имело важное значение, связанное, с одной стороны, с демонстрацией единства научного знания, с другой же стороны, с представлением достижений русской науки, которая вступила в период зрелости [71, с. 109]. Проект заключался в составлении серии очерков по истории разных научных дисциплин, снабженных библиографическими справками в соответствующей области. Н.И. Кареев был приглашен к участию в издании и взялся подготовить очерки сразу по двум дисциплинам: новой истории и социологии. Последующие общественные потрясения и смерть А.С. Лаппо-Данилевского в 1919 г. помешали осуществлению проекта.

В 1920 г. в Петрограде вышел специальный сборник статей (отдельный том «Русского исторического журнала» [72]), посвященный памяти А.С. Лаппо-Данилевского. Большинство работ, помещенных в сборнике, было непосредственно связано с анализом творчества историка и принадлежало ближайшим коллегам и ученикам А.С. Лаппо-Данилевского. Среди них была и статья Н.И. Кареева «Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского» [3]. Ее основой стал доклад в Историческом обществе при Петроградском университете, с которым Н.И. Кареев выступил в 1919 г. [3, с. 112]. От первой его рецензии на «Методологию истории» (1913 г.) [4] данная статья отличается более полным изложением концепции А.С. Лаппо-Данилевского, а также ее критической оценкой. Примечательным элементом статьи является единственное в литературе краткое описание неопубликованной в типографском варианте (есть литографическое издание [73]) части «Методологии истории» [3, с. 126–127]. Н.И. Кареев очень высоко оценил историко-теоретические исследования А.С. Лаппо-Данилевского, отмечая, в частности, стремление А.С. Лаппо-Данилевского избежать какой-либо односторонности в решении рассматриваемых вопросов. В то же время автор отметил, что А.С. Лаппо-Данилевский по своим взглядам примыкал к «кантианскому критицизму, а из представителей последнего на него оказали наибольшее влияние Виндельбанд и Риккерт» [3, с. 121]. Н.И. Кареев отметил предпринятую А.С. Лаппо-Данилевским попытку объединения номотетической и идиографической точек зрения, оценивая ее как достижение «синтеза, снимающего противоположности и примиряющего их в высшем единстве» [3, с. 125]. Однако по ряду принципиальных вопросов Н.И. Кареев высказал иное мнение, нежели А.С. Лаппо-Данилевский. В частности, он отверг то обоснование необходимости идиографичности истории, которое предложил А.С. Лаппо-Данилевский. По Н.И. Карееву специфика индивидуального в истории состоит не столько в том, что оно является неповторяющейся частью известного целого, а в обособлении его от этого целого. Смысл данного замечания напрямую связан с отличной от взглядов А.С. Лаппо-Данилевского точкой зрения на то общее, что они называли челове-

чеством. Критически оценивая историко-теоретическую концепцию А.С. Лаппо-Данилевского, Н.И. Кареев считал, что «человечество, в большей части своей истории не было чем-то целым, хотя, взятое в своих разрозненных частях, и является единым и единственным, что и делает возможным идиографическое его изучение» [3, с. 128]. С этим утверждением был связан и другой упрек Н.И. Кареева. Он считал недостаточно обоснованным понимание А.С. Лаппо-Данилевским человечества как главного объекта истории и указал на самодовлеющее значение в сознании А.С. Лаппо-Данилевского его социологической концепции [3, с. 126]. Н.И. Кареев отметил, что А.С. Лаппо-Данилевский противопоставил позитивизму О. Конта не иную философию, а попытка «пересмотреть некоторые построения (позитивизма. — Е.Р.) с точки зрения чистой науки». Автор пришел к выводу о том, что «по существу же сам Лаппо-Данилевский был и позитивистом и социологом в более широком понимании и более свободном критическом направлении» [3, с. 113, 118]. Статья Н.И. Кареева оказала значительное влияние на последующую историографию, многие содержащиеся в ней положения получили развитие в работах современных исследователей творчества А.С. Лаппо-Данилевского [2, с. 240, 242, 245].

Осмысление творчества А.С. Лаппо-Данилевского содержится и в книге «Основы русской социологии» (написана в конце 1920-х, опубликована в 1996 г.) [74, с. 167–169]. В ней Н.И. Кареев, в частности, отмечал: «Не социология, однако, сделалась предметом знаний Лаппо-Данилевского, а философия истории и ее методология <...> Что касается до “Методологии истории”, то этот очень ученый и весьма систематический и детально разработанный труд был построен Лаппо-Данилевским на принципах Виндельбанда и Риккерта, игнорировавших социологию как таковую, но автор и занялся только историей» [74, с. 169].

Таким образом, Н.И. Кареев еще раз обозначил то основное, что разделяло его с А.С. Лаппо-Данилевским — различие в самом предмете теоретического исследования. В то же время объективно их объединял не только «позитивизм в более широком понимании» (по выражению Н.И. Кареева) и общее представление о систематическом единстве научного знания, но и положение «теоретиков» в среде петербургских историков «платоновской школы», наконец, близкие либеральные политические взгляды. Именно поэтому, не будучи научными единомышленниками, они почти всегда оказывались по одну сторону «баррикад» в административных и научных битвах своего времени, оказывая деятельную поддержку проектам друг друга.

Уже после смерти А.С. Лаппо-Данилевского в условиях советского времени происходит постепенное сближение соперничающих партий, принадлежавших к «старой школе». Заметное улучшение претерпевают отношения и Н.И. Кареева с его бывшими оппонентами. В 1925 г. С.Ф. Платонов вместе с Н.П. Лихачевым и А.Е. Пресняковым поддерживает в «Союзе работников просвещения» перевод Н.И. Кареева в «пятый (высший. — Е.Р.) разряд научных работников», который имел квалификацию «ученые мирового значения, а равно крупнейшие представители данной науки» и, что немаловажно, давал

право на дополнительное денежное обеспечение [75, л. 4; 76, л. 3]. С.Ф. Платонов (заявивший в Академии кафедру русской истории после смерти А.С. Лаппо-Данилевского, а затем и должность академика-секретаря) группирует вокруг академических учреждений целый ряд известных историков разных поколений, не только «русских» (в том числе, и школу А.С. Лаппо-Данилевского), но и «всеобщников» С.А. Жебелева, А.А. Васильева, Е.В. Тарле, В.П. Бузескула, в том числе и Н.И. Кареева. Правда, по-видимому, С.Ф. Платонов не соглашается с избранием Н.И. Кареева в действительные члены Академии (вместо него избирается Е.В. Тарле), но идет навстречу предложению В.П. Бузескула об избрании Н.И. Кареева в «почетные академики» в 1929 г. [77, л. 5; 78, л. 26 об.; 79, л. 27]. Сближению прежде враждовавших ученых, несомненно, способствовало усиление давления со стороны советского режима. И действительно, в ходе «Академического дела» 1929–1930 гг. [80; 81], под ударом роковым образом оказались все соперничающие группировки дореволюционной науки, в том числе С.Ф. Платонов, Н.И. Кареев, ученики А.С. Лаппо-Данилевского, их соратники и коллеги.

Литература

1. Погодин С. Н. Русская школа историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997.
2. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский в исторической литературе // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. научных работ. Вып. II. СПб., 2000.
3. Кареев Н.И. Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
4. Кареев Н.И. [Рец.:] А.С. Лаппо-Данилевский. Методология истории // Научный исторический журнал. 1913. № 1.
5. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Ч. 1. СПб., 1910.
6. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. II. СПб., 1913.
7. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб., 1907.
8. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 1. Пг., 1923.
9. Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под названием «Образование великорусского государства» // Летопись занятий Археологической комиссии... Т. 30. Пг., 1920.
10. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский как представитель Петербургской исторической школы // Петербургские чтения-97. СПб., 1997.
11. Кареев Н.И. Историческая теория (Теория исторического процесса). Пг., 1915.
12. Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX-начала XX века. М., 1978.
13. Кононова Н.Н. Историческое общество при Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 2. Л., 1968.
14. Слонимский А.Г. Возникновение Исторического общества при Петербургском университете // Учен. зап. ист. ф-та Таджик. гос. ун-та. 1974. Вып. I.
15. Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археологический ежегодник за 1974 г. М., 1975.
16. Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (к истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. научных работ. Вып. I. СПб., 1999.
17. Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие 1889–1914 // Историческое обозрение: Сборник Исторического общества при

Императорском Санкт-Петербургском университете (далее – Историческое обозрение...) за 1915 год. Т. 20. Отд. 2. Пг., 1915.

18. Устав Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете // Историческое обозрение... за 1890 год. Т. 1. Отд. 2. СПб., 1890.

19. Демина Л.И. «Записка» Е.Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889–1892) // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986.

20. Протокол первого собрания членов-учредителей университета // Историческое обозрение... за 1890 год. Отд. 2.

21. Протокол второго (экстренного) собрания членов-учредителей // Историческое обозрение... за 1890 год. Отд. 2.

22. Кареев Н.И. [Речь на третьем заседании общего собрания Исторического общества] // Историческое обозрение... за 1890 год. Отд. 2.

23. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

24. Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной сессии ЛГУ. Л., 1948.

25. Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке XIX– начала XX века // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990.

26. Исторические диспуты // Историческое обозрение... за 1890 год. Отд. 1.

27. Платонов С.Ф. [Отзыв:] А.С. Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения в Московском государстве // ОР РНБ. ф. 585. Оп. 1. Д. 1371.

28. Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.

29. А.С. Лаппо-Данилевский – М.С. Гревс. Ноябрь 1890 г. // Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее – ПФА РАН). ф. 113. Оп. 3. Д. 4.

30. А.С. Лаппо-Данилевский – М.С. Гревс. Февраль 1891 г. // ПФА РАН. ф. 113. Оп. 3. Д. 4.

31. А.Е. Пресняков – матери. 16 ноября 1892 г. // Архив Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории Российской Академии наук (далее – СПб. ФИРИ). ф. 193. Оп. 2. Д. 1.

32. А.Е. Пресняков – матери. 28 ноября 1892 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 1.

33. А.Е. Пресняков – матери. 16 декабря 1892 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 1.

34. А.Е. Пресняков – матери. 23 марта 1893 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 1.

35. А.Е. Пресняков – матери. 26 сентября 1893 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 1.

36. А.Е. Пресняков – матери. 27 февраля 1894 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 2.

37. А.Е. Пресняков – матери. 17 марта 1894 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 2.

38. А.Е. Пресняков – матери. 22 марта 1894 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 2.

39. А.Е. Пресняков – матери. 8 марта 1894 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 2.

40. А.Е. Пресняков – матери. 17 сентября 1894 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 2.

41. А.Е. Пресняков – матери. 30 сентября 1894 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 2.

42. А.Е. Пресняков – матери. 29 октября 1894 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 2.

43. А.Е. Пресняков – матери. 11 ноября 1894 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 2.

44. А.Е. Пресняков – матери. 18 ноября 1894 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 2.

45. А.Е. Пресняков – матери. 24 ноября 1894 г. // Архив СПб. ФИРИ. ф. 193. Оп. 2. Д. 2.

46. Пресняков А.Е. Новый труд по теории исторической науки // ЖМНП. 1895. Январь.

47. Чирков С.В. Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России: XIX–начало XX века. М., 1996.

48. А.С. Лаппо-Данилевский – Е.Д. Лаппо-Данилевской. Май 1893 г. // ПФА РАН. ф. 113. Оп. 3. Д. 10.

49. Свердлов М.Б. О «петербургской школе историков», корректности историографического анализа и рецензии В.С. Брачева. СПб., 1995.

50. Кан А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979.

51. А.С. Лаппо-Данилевский – Е.Д. Лаппо-Данилевской. Август 1899 г. // ПФА РАН. ф. 113. Оп. 3. Д. 10.

52. А.С. Лаппо-Данилевский – С.Ф. Платонову. 14 февраля 1903 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). ф. 585. Оп. 1. Д. 1120.

53. Черновик ответа С.Ф. Платонова А.С. Лаппо-Данилевскому. 15 февраля 1903 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1120.
54. Протоколы заседаний [Исторического общества при Петербургском университете] // Историческое обозрение... Т. 1–20. СПб., 1890–1915.
55. Дьяконов М.А., Лаппо-Данилевский А.С. Записка об ученых трудах Н.И. Кареева: III приложение к протоколу заседания 17 ноября 1910 г. // Протоколы заседаний Историко-филологического отделения Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (далее – ИФО) за 1910 г. СПб., 1910.
56. Материалы к биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929.
57. Протоколы заседаний ИФО за 1912 г. СПб., 1912.
58. Протоколы заседаний ИФО за 1910 г. СПб., 1910.
59. Кареев Н.И. Неизданные документы по истории парижских секций. СПб., 1912.
60. Кареев Н.И. Неизданные протоколы Парижских секций 9 термидора II года. СПб., 1914.
61. Протоколы заседаний ИФО за 1914 г. СПб., 1914.
62. Н.И. Кареев – А.С. Лаппо-Данилевскому, май 1915 г. // ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 177.
63. [Документы по участию во II и III Международных конгрессах исторических наук] // ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 94.
64. Приймак Н.И. О несостоявшемся Международном конгрессе историков в России в 1918 г. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. 1998. Вып. 4.
65. С.Ф. Платонов – А.С. Лаппо-Данилевскому. 30 ноября 1913 г. // ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 94.
66. [Предварительный съезд русских историков] // Научный исторический журнал. 1914. № 3.
67. [Документы по организации Социологического общества] // ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 87.
68. Кондратьев Н.Д. Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского: К двадцатипятилетию его научно-литературной деятельности // Историческое обозрение... 1915. Т. XX.
69. Историческое обозрение. Т. XXI: Сб. статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916.
70. Есаков В.Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестн. РАН. 1997. Т. 67. № 12.
71. Пресняков А.Е. Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
72. Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
73. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Часть вторая: Методы исторического изучения. Отдел II: Методология исторического построения: Лекции, читанные студентам С.-Петербургского университета в 1908–1909 акад. году. Литография Богданова.
74. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.
75. Союз работников просвещения. Ленинградский губернский отдел. Секция научных работников – С.Ф. Платонову. 2 октября 1925 г. // ОР РНБ Ф. 585. Оп. 1. Д. 2922.
76. В.Н. Зеленко – С.Ф. Платонову, 16 октября 1925 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2957.
77. Бузескул В.В. – С.Ф. Платонову. 26 февраля 1927 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2403.
78. Бузескул В.В. – С.Ф. Платонову. 15 ноября 1928 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2403.
79. Бузескул В.В. – С.Ф. Платонову. 27 ноября 1928 г. // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2403.
80. Академическое дело 1929–31. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. I: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993.
81. Академическое дело 1929–31. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. II: Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб., 1998.